«Светская культура способна быть носительницей благовестия».
(Основы социальной концепции Русской Православной Церкви, XIV. 2)

«... рассматривая лишь часть русской литературы, мы можем заключить, что русская литература учит русских быть русскими, что она фактически имеет для нас священный характер».
Ю. Мамлеев.

ДРАГОЦЕННОЕ НАСЛЕДИЕ

Вадим Шефнер

Когда в середине семидесятых годов Вадим Шефнер выпустил свою мемуарную повесть «Имя для птицы, или Чаепитие на желтой веранде» (1973-1975), контуры его жизненного пути и весь его художественный опыт словно высветились с иной, чем прежде, отчетливостью. Общеизвестные факты биографии встали в ряд с фактами до того незнакомыми читателю. Возникла своеобразная ретроспектива,- в ней заняли надлежащее место и далекая родословная Шефнера, и картина его детских впечатлений, и первоистоки его поэтического мировосприятия. А его незаурядная творческая личность обнаружила при этом еще большую духовную глубину. Шефнер, с его природной скромностью, всегда был рад случаю почтительно вспомнить своих предков, память о которых простирается буквально в глубь веков. Он не однажды сообщал, что с парусных времен многие из них служили в русском военном флоте. И вот теперь, читая выдержки из послужных списков, донесений и официальных документов в «комментариях к метрике», мы воочию убеждаемся не только в достоверности шефнеровских семейных преданий, но и в том, что интерес к прошлому, ощущение себя звеном в цепи поколений, преданность Ленинграду и любовь к России были, как говорится, впитаны писателем с молоком матери.

Первый стихотворный сборник Шефнера «Светлый берег», как известно, был опубликован в Ленинграде в предвоенном 1940 году. А в 1980 году здесь же, в родном своем городе, будучи давно зрелым, признанным мастером, поэт издал последний по времени сборник новых стихов «Северный склон».

Даже при беглом прочтении этих сборников нельзя не обратить внимание на особенный, подчеркнуто философский настрой и совсем ранних, и поздних шефнеровских стихов, на их, если угодно, «космический» лиризм, который объясняется неизменным интересом поэта к кардинальным проблемам бытия.

В 1980 году Шефнер заявил: «Для меня высоковольтная линия дореволюционной российской поэзии проходит через такие имена: Державин - Пушкин - Лермонтов - Баратынский - Тютчев - Бенедиктов (да, Бенедиктов!) - Фет - Некрасов - Анненский - Блок... Это сугубо личное мое убеждение, на котором стою, но которого никому не навязываю».

А еще раньше он прибавлял к этой линии Ахматову, Заболоцкого и - «неведомых поэтов будущего». Поэзия потомков всегда интриговала Шефнера и рисовалась ему обязательно поэзией мысли.

Поэтический фонд Шефнера велик, за десятилетия литературной деятельности им написаны сотни стихов, и отблеск взыскательной философской культуры неизменно лежит на них.

ЗАБЫТЫЙ КОЛОДЕЦ

Никто к воде не прикоснется -
Паук, угрюмый чародей,
Заткал отверстие колодца
Узорной сеткою своей.

Бадейку на веревке длинной
Не стоит опускать туда -
Пропахла затхлостью и тиной
Перестоявшая вода.

От влаги мертвенной и тленной
Иди к ручью - там, у моста,
За проносящеюся пеной
Вода прозрачна и чиста.

Отхлынул зной. Пьянит прохлада.
О чем грустить, о чем жалеть?..
Прохожий! В нашем мире надо
Быть щедрым, чтоб не оскудеть.

Кто исчерпать себя боится,
Тот не избегнет нищеты,
Черпай до дна себя - сторицей
Вернешь утраченное ты.
1945

* * *

Руду дробят, бросают в воду,
Толкут, трясут на все лады -
И отделяют от руды
Пустую горную породу.
Так перед тем, как стать оружьем
Или орудием труда,
Потерей примесей ненужных
Обогащается руда.

И жизнь обогащает нас
Не только тем, что счастье дарит,-
Она по самолюбью нас
Порой безжалостно ударит,
Повязку с глаз порой сорвет,
Порой жестоко осмеет
Блеск незаслуженной удачи,
Порой за мимолетный взлет
Отплатит горечью невзгод;
А смотришь - мы душой богаче...
1952

САМШИТ

Кустарник есть. Зовется - самшит,
На вид неказист, нестроен.
Но он природою крепко сшит,
Хоть и неладно скроен.

Пока росток его на вершок
Пробьется из горных скважин,
Другое растенье за тот же срок
Вымахает на сажень.

Соперники из скороспелых пород
Его затмевают тенью,
А он, тугодум, тяжело растет:
«Терпенье, друзья, терпенье!..»

Вот вырос он, и встал на года,
И смотрит с горы в долину -
Вовек не сломит буря-беда
Железную древесину.

Уже у соседних растений пыл
Остыл - сгибаться, хилеть им.
А он - молодой, он только вступил
В счастливое долголетье.

Стоит он, ловит ветра струю
И полднем знойным и душным
Былым соперникам тень свою
Роняет великодушно.
1953

ВЫЗДОРОВЕВШИЙ

Какая светлая воля,
Радость в душе и теле!..
Весною он вышел в поле,
С больничной сойдя постели.

Природы тайны живые,
Лесные сизые дали
Не заново, а впервые,
Казалось, ему предстали.

Где он проходил - мгновенно
Сужались пред ним канавы,
Доверчиво и смиренно
Пред ним расступались травы.

Он шел, он пьянел и слушал,
Хвалу ему листья пели,
И мир шептал ему в душу:
«Таков я на самом деле!

Таков я весь - без обмана,-
Поющий и говорящий;
Я завтра привычным стану,
Сегодня я - настоящий!»
1956

С ГОДАМИ

Как будто и глаза похуже,
Но все ясней за годом год
В своем стоцветном всеоружье
Земля передо мной встает.

Она встает, в глаза мне кинув
Снегов живую белизну,
Цветов невзрачных,трав низинных
Таинственную новизну.

От рощи, от речной излуки
Не отвести порою глаз.
О, как в предвиденье разлуки
Взор обостряется у нас!

Неужто только на исходе,
В преддверье вечной слепоты,
Дано нам различить в природе
Ее заветные черты?
1958

ВОСПОМИНАНИЕ О ГОСПИТАЛЕ

Когда отпустит боль -.
Жизнь кажется легка,
И глубже синева,
И ярче облака,
И чище глубь реки,
И зеленее поле.

Жизнь кажется прекрасней,
Чем до боли.
1942-1959

ЛИРИКА

Придуманы кем-то когда-то
Слова для хороших стихов:
И музы, и розы, и злато,
И вздохи, и трель соловьев.

Но лирика шляется где-то,
Не веря в такое старье,-
На вздохи, на все самоцветы
Теперь не приманишь ее.

Прилягу на мостик бетонный
У самого края шоссе:
В болотной канаве - тритоны
Во всей первозданной красе,

На лыжах жуки водяные
Идут по воде без мостов,
И пятна плывут нефтяные
Совсем необычных цветов.

О мир, в глубину устремленный,
Высокий, подножный, земной,
Твоей красоты эталоны
Пока что не найдены мной.

Быть может, за лугом шершавым,
За свалкою, за гаражом,
В цистерне огромной и ржавой
Поэзии свет отражен.
1960

ОДНАЖДЫ В ТАЙГЕ

На откосе крутого оврага,
Там, где не было встреч и разлук,
Красота, как медовая брага,
Закружила мне голову вдруг.

Я шагнул по нетоптанной глине,
Я нагнулся - и чистый родник,
Одиноко журчавший доныне,
Благодарно к ладоням приник.

И в кипенье, в хрустальных изломах,
Отразил он сверкание дня,
И доверчиво ветви черемух
Наклонились, касаясь меня.

Их цветы засияли, как звезды,
Будто славя рожденье свое,-
Будто я красоту эту создал
Тем, что первым увидел ее...
1963

КНИГА ОБИД

Есть у каждого тайная книга обид,
Начинаются записи с юности ранней;

Даже самый удачливый не избежит
Неудач, несвершенных надежд и желаний.

Эту книгу пред другом раскрыть не спеши,
Не листай пред врагом этой книги страницы, -

В тишине, в несгораемом сейфе души
Пусть она до скончания века хранится.

Будет много распутий, дорог и тревог,
На виски твои ляжет нетающий иней,-

И поймешь, научившись читать между строк,
Что один только ты в своих бедах повинен.
1970

ВЕЧЕРНЯЯ ТИШИНА

У лесной тропинки велосипед
Положил я на серый мох.
На миг онемел весь белый свет -
Иль это я оглох?

Закат сквозь сосны - будто во сне.
Будто в дальнем детстве моем,-
И душа распрямляется в тишине,
Как трава, примятая днем.
1975

РАЗМЫШЛЕНИЯ О СТИХАХ

Стихи - не пряник, и не кнут,
И не учебное пособие;
Они не сеют и не жнут -
У них задание особое.

Они от нас не ждут даров,
Открещиваются заранее
От шумных торжищ и пиров,
От хищного преуспевания.

Милее им в простом быту,
Почти неслышно и невидимо,
Жить, подтверждая красоту
Всего, что вроде бы обыденно.

Но в громовые времена,
Где каждый миг остер, как лезвие,
На помощь нам идет она -
Великодушная поэзия.

Где пули свищут у виска,
Где стены и надежды рушатся,
Припомнившаяся строка
В усталых пробуждает мужество.

...Тоска, разлука ли, болезнь -
Что ни творится, что ни деется,-
Пока стихи на свете есть,
Нам есть еще на что надеяться.
1976